

РЕЦЕНЗИИ, КОММЕНТАРИИ И ДР.

КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРЫ

**Русское литературоведение XX века:
имена, школы, концепции:**

**Материалы Международной научной конференции
(Москва, 26—27 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. О.А. Клинга,
А.А. Холикова. — М., СПб.: Нестор-история, 2012. — 320 с.)**

Рецензируемый сборник «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции», выпущенный на базе материалов университетской Международной научной конференции 2010 г. и под патронажем кафедры теории литературы МГУ, предлагает оригинальную коллективную попытку ответа на вопрос: «Русское литературоведение XX века: что же это было?». Отвечая на вопрос, прочерчивая синусоиду из школ и научных идей, начиная от синтетического литературоведения Серебряного века до интертекстуальных жизнеописательных форм века XXI, участники конференции придерживаются внелитературных — социально-исторических — факторов, заявляют о социокультурной природе феномена «русское литературоведение XX века». В итоге именно «железный» век (как биографический Автор) и русские филологи, его свидетели (как Герои-протагонисты), становятся главными героями научных статей и докладов.

Сегодня новые (именно *новые*, а не хорошо забытые старые) книги по литературоведению, по теории литературы встретишь нечасто. Оценка и объяснение здесь просты: литературоведение, как и сама литература, — явление социокультурное, а «благодаря» новейшей отечественной истории — все более маргинальное и субкультурное.

Неудивительно, что появление в подобном контексте новинки с таким звучным названием, как «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции», — уже событие, тем более что выпущен сборник на базе материалов университетской Международной научной конференции и под патронажем кафедры теории литературы МГУ.

Конечно, само название, жанровая форма, структура издания (пленарные выступления; имена; методы (направления); вопросы теории литературы) исключают какую-либо тенденциозность, однако не исключают общей попытки ответить

на главный вопрос, заданный одним из авторов и руководителей конференции О.А. Клингом: «Русское литературоведение XX века: *что же это было?*».

Сам О.А. Клинг, чей материал открывает сборник, говорит о социокультурной природе феномена, о синтетическом литературоведении Серебряного века, определившем дальнейший ход научной филологической мысли. Черты того «серебряного» синтеза, перезапускающего литературоведческую мысль, но позволяющего мирно уживаться самым разным школам, усматриваются автором и в сегодняшнем дне. (Действительно, XXI в., эпоха пост-постмодернизма и научного плюрализма, подобное позволяет.) Это дает автору надежду не просто на перспективу научно-культурного развития, а на своего рода преемственность: «с дистанции времени (не сейчас, а позже) конец XX — начало XXI вв. в России назовут *платиновым*».

Кстати, типологические связи с Серебряным веком рассматриваются и в статье О.Ю. Осьмухиной. Но ее акцент — весьма актуальный для новейшей русской теории — на «проблеме авторской маски в рецепции современного отечественного литературоведения». В зарубежной филологии подобные идеи прорабатываются уже давно. Так, тема авторских масок — один из аспектов книги британского теоретика М. Saunders «*Self Impression: Life-Writing, Autobiografiction and the Forms of Modern Literature*» (2010). Единственно, в его научном лексиконе «Серебряный век» заменен на импрессионизм и модернизм, а маски — на «вымышленные (мнимые) портреты».

«Железный» век — главный герой докладов Е.И. Орловой «Б.М. Эйхенбаум как литературный критик», М.Б. Лоскутниковой «Ю.Н. Тынянов в работе над проблемами художественного целого: поиски героя и вопросы стиля», Е.А. Тахо-Годи «Три письма Л.П. Семенова к М.О. Гершензону». Именно он определяет научную судьбу А.Н. Веселовского, М.М. Бахтина, У.Р. Фохта, К. Чуковского. Его лик — «века-волкодава» — проступает в материале В.Е. Хализева «Г.Н. Пospelов в пору борьбы с „буржуазным либерализмом“ и „космополитизмом“ А.Н. Веселовского (1947—1949)», В.А. Третьякова «Проблема критики и/как литературы в отечественном литературоведении» и даже В.И. Тюпы «Анализ художественного текста в отечественном литературоведении XX века». Научный уровень диалога сохранен, а идейно-тематический план отвечает заголовку. Тем не менее неумолимо звучит: русское литературоведение XX в. — «время, когда центральным объектом гонений, инициатором и организатором которых были партийно-государственные инстанции, стала наука» (В.Е. Хализев).

Тем отраднее статьи, где имена, вопросы прошлого освещены уже в контексте века нового: с его возрождением субъекта, подлинностью субъективного и, соответственно, вниманием к автору и автобиографии. Помимо упомянутых, это доклады Ф.А. Ермошина «К. Чуковский как литературовед: Наука? Критика? Автобиография?», Н.Г. Владимировой «Автор как проблема английской художественной прозы в контексте ее восприятия отечественным литературоведением» и особенно О.Е. Осовского «„Наблюдение за наблюдающим“: биография литературоведа как объект научного исследования (случай М.М. Бахтина)».

С последним трудно не согласиться, надо добавить, что не только «жанр научной биографии литературоведа не слишком востребован и популярен в нашей

стране (в отличие от Запада)» (О.Е. Осовский). Непростая судьба в русском отечестве у всех интертекстуальных жизнеописательных форм («беллетристическая биография», «автобиография», «автобеллетристика» и пр.), поскольку их рассмотрение требует пересмотра (обновления) и привычного для нас диалога *автор — читатель*, и привычной трактовки данных категорий. На «Западе» же — в этой развитой индустрии научной мысли/литературы вообще и литературоведческой в частности — наиболее интересны по данному вопросу, прежде всего L. Marcus «Auto/biographical Discourses» (1994), Н. Lee «Body Parts» (2005), А. Jefferson «Biography and the Question of Literature in France» (2007).

Однако подобные отступления, или, как указывают составители во вступительном слове, обращения «не только к академическим школам и их признанным лидерам, но и к *внеаправленческим* концепциям» не переходят в эклектику и не мешают преемственности. Скорее, наоборот, помогают осознать, что русское литературоведение XX в. — не только «гонения», а большая и плодотворная лаборатория с сотнями разработок и сотнями имен. Да, у них больше получалось «не благодаря», а «вопреки». Но несмотря ляг железа и челюсти волкодава, им все же удалось задать тот мощный научный контекст, который действительно позволяет отечественной филологии сегодня, снова пребывающей в довольно сложных социокультурных условиях, если не верить, то хотя бы надеяться на *платиновый век* русского литературоведения.

Докторант кафедры теории
МГУ им. М.В. Ломоносова
Ж.А. Голенко